отдельных личностей, которые «родятся чрез более или менее долгие промежутки времени и составляют в человечестве, так сказать, высший круг, аристократию ума. <...> ...эти избранники всегда являются отмеченные высшими свойствами человеческой организации, и они-то несут на своих могучих плечах всю тяжесть и все муки рождения новой идеи. Эти муки выражаются в том, что современные дюжинные мыслители бросаются на провозвестника новой идеи <...> И вот — рьяные воители, выпустивши все свои заряды, идут домой в полном убеждении, что новая идея побита насмерть... <...> Но идея осталась непобитою; она жива, она идет в мир, неслышною струею льется в людские сердца — и мир вдруг озаряется новым светом».[119] Не стали ли эти рассуждения Порецкого одним из первоначальных источников создания образа Раскольникова? Впрочем, не исключено и редакторское участие самого Достоевского в процитированном фрагменте статьи.

Обращаясь далее к аксаковскому еженедельнику «День», Порецкий приводит следующую выдержку из статьи публициста Ф. Ф. Воропонова «Замечательный случай телесного наказания».[120] В заседании мирового суда крестьяне «подали просьбу, спрашивая о своих повинностях помещице до выкупа. Им объяснили. Председательствовавший на съезде мировой посредник прибавил: „*Строго* исполнять повинности“. На это один мужик ответил: „Мы и исполняем так“. Услышав эти слова, председатель крикнул: „Ты разговаривать?“ Затем спросил имя мужика и велел написать в полицию отношение о наказании розгами. „Это *за излишние разговоры*“, — прибавил он. Затем „последовала картина коленопреклоненного умоления о пощаде, впрочем напрасного...“».[121] Порецкий отказался комментировать эту историю, предложив читателям: «Уйдемте от греха, чтоб не сказать лишнего слова!»[122]

Эти и другие следы чтения сотрудниками «Эпохи» русских и иностранных книг, газет и журналов заслуживают дальнейшего изучения, которое поможет углубить наши представления об истории создания последних шести номеров журнала М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха».

---

[119] Там же. С. 6, 7.
[120] День. 1864. 12 сент. № 37. С. 11.
[121] Там же. С. 25.
[122] Там же.

DOI: 10.31860/0131-6095-2026-1-110-121

БРАТЬЯ ТУРГЕНЕВЫ И СЕСТРЫ СОКОВНИНЫ. ЭПИЛОГ ОТНОШЕНИЙ: ПИСЬМА А. М. ПАВЛОВОЙ (СОКОВНИНОЙ) Н. И. ТУРГЕНЕВУ 1868–1869 ГОДОВ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ © Н. А. ХОХЛОВОЙ)

А. Л. Зорин в заключительной главе монографии «Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века» прослеживает биографию одной из главных своих героинь — А. М. Соковниной вплоть до ее преклонных лет и задается вопросом о том, сохранила ли она до конца дней память об Андрее Ивановиче Тургеневе, «безнадежно влюбившемся в нее в самом начале века и, возможно, испортившем всю ее жизнь. <...> Скорее всего, — продолжает исследователь, — Анна Павлова, на три года пережившая третьего из братьев Тургеневых, Николая Ивановича, была последним человеком, который мог помнить „незабвенного поэта“».[1]

---

[1] *Зорин А.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016. С. 503.

Публикуемые ныне письма А. М. Павловой к Н. И. Тургеневу 1868–1869 годов в полной мере подтверждают это предположение. Они обнаружены в архиве братьев Тургеневых, хранящемся в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 309). Ответные письма неизвестны.

Содержательно очень насыщенные, исполненные полнокровных чувств и неотразимого обаяния, в сознании читателя они тем не менее оставляют впечатление некоторого неправдоподобия. Мы слышим живой голос участницы и свидетельницы той эпохи, которая в конце 1860-х годов воспринималась уже как историческая, ставшая предметом научной рефлексии, а в обыденном сознании превратившаяся в преданья старины.

Анне Михайловне Павловой (урожд. Соковниной) был дарован долгий век — почти 90 лет (даты ее жизни: конец 1784 — 13 ноября 1873 года). Она пережила всех своих братьев и сестер, друзей, среди которых братья Тургеневы, В. А. Жуковский, А. П. Зонтаг. Из отдаленнейшей эпохи конца 1860-х годов — как бы из другого мира — она возвращается в воспоминаниях к началу века, к кружку Андрея Тургенева и делится ими с Н. И. Тургеневым, единственным оставшимся в живых свидетелем событий, с которым она «не видалась с лишком 60 лет».

Поводом для возобновления знакомства послужило для нее чтение «разбора» книги Н. И. Тургенева, «изданной в Лейпциге». По смыслу письма речь идет о рецензии на книжную новинку, и хотя в Лейпциге в типографии Ф. А. Брокгауза было отпечатано несколько сочинений Тургенева, можно утверждать, что имеется в виду книга «Чего желать для России?» (Лейпциг, 1868). Она была посвящена проблемам пореформенной действительности: крестьянскому вопросу, положению земских учреждений, судопроизводству, вопросам финансов. Это яркое публицистическое сочинение получило отклик в русской прессе. Самый обстоятельный, содержащий множество обширных цитат («выписок», по выражению Павловой), появился в «Русском вестнике» в августовском номере 1868 года за подписью Р. Н.[2] Чтение этих «выписок» и пробудило в Павловой воспоминания юности. По-видимому, впечатление основывалось не столько на содержании книги, сколько на ее тоне, так охарактеризованном рецензентом: «Везде в книге разлито достоинство, благодушие, светлый и теплый взгляд на людей, переходящий иногда в идеализм, живо напоминающий „Арзамасское общество“, среди которого воспитался и действовал Н. И. Тургенев. Читая многие страницы, мы думали, что перелистываем рукопись или письма времен Карамзина, Жуковского, Батюшкова, которыми богат „Русский архив“ и которые так непохожи на тон нынешнего поколения, избегающего всяких излияний».[3]

Заключительная оценка сочинения и ее автора не могла не вызвать огромного сочувствия в душе Павловой. Она гласила: «Написанная человеком уже окончившим свою карьеру, стоящим у конца жизни, не имеющим никаких поводов к пристрастию к нынешним порядкам, и вместе с тем указывающая добросовестно и с знанием дела на темные стороны России и на несомненные залоги ее будущего развития и успехов, она действует чрезвычайно сильно и убедительно даже на пессимистов и людей, не расположенных к России».[4]

Есть все основания полагать, что Павлова решилась написать Тургеневу в ноябре 1868 года (ее первое письмо не датировано). В декабре она получила «скорый ответ»

---

[2] *Р. Н.* [Ренненкампф Н. К.]. Русская печать за границей. Чего желать для России? (Que faut-il désirer pour la Russie?) Н. Тургенева. Лейпциг, 1868 года // Русский вестник. 1868. Т. 8. С. 638–650. Рецензия, как указывает И. Ф. Масанов, принадлежит Н. К. Ренненкампфу (1832–1899), юристу, ученому-законоведу, профессору и ректору Университета Св. Владимира в Киеве. Она была написана в ходе полугодовой ученой командировки за границу, куда Ренненкампф был направлен в 1868 году по получении степени доктора государственного права (рецензия помечена: «Дрезден. 1868 г., июля 22»). Не исключено, что в ходе этой командировки состоялось личное знакомство молодого профессора с Н. И. Тургеневым, патриархом русской экономической и юридической мысли.

[3] *Р. Н.* [Ренненкампф Н. К.]. Русская печать за границей. С. 643–644.

[4] Там же. С. 650.

и в своем втором письме, отмеченном 21 декабря, «гораздо смелее напомнила много старины». Именно оно и представляет главный интерес. Переходим к его анализу.

В 1801–1802 годах, когда разыгрывалась драма двойного романа между братьями Тургеневыми и сестрами Соковниными — между Александром Ивановичем и Анной Михайловной и Андреем Ивановичем и Екатериной Михайловной,[5] Николай Иванович был подростком 12 лет, учеником Благородного пансиона при Московском университете. Он не мог быть участником ни Дружеского литературного общества (1801), ни того интимного кружка «belle âmes», который сложился после отъезда Андрея Ивановича в Петербург из друзей, поверенных в его эпистолярном романе с Е. М. Соковниной, — В. А. Жуковского, А. М. Соковниной, А. С. Кайсарова.

Разумеется, впоследствии Н. И. Тургенев не мог не узнать о подробностях этой знаменитой истории из первых рук — от своего старшего брата Александра. Анна Михайловна прорисовывает ее пунктиром, будучи уверена в его осведомленности. Центральное место уделено воспоминаниям об Андрее Ивановиче. Далее сдержанно-скупо, в одном предложении, она пишет о своей старшей сестре Екатерине Михайловне и как-то затаенно, по обязанности, — об Александре Ивановиче Тургеневе. В такой «непропорциональности» есть и глубокий личный смысл, и известная эпистолярная комплиментарность, желание угодить адресату (в этом духе выдержана, кстати сказать, история о пансионском происшествии Н. И. Тургенева; см. п. 2).

Несмотря на свою отдаленность, события были еще очень памятны, поэтому Анна Михайловна — возлюбленная Александра Ивановича и предмет утаенной любви Андрея Ивановича — должна была соблюсти всю деликатность, чтобы не оскорбить чувства Николая Ивановича. В сущности, все, что она сообщает, хорошо известно; тем не менее некоторые детали очень примечательны.

Трактуя свои отношения с Андреем Ивановичем в духе amitié amoureuse, она тут же выдает себя. Поражает подробность ее воспоминаний об отъезде Андрея Ивановича в Петербург, когда она «плакала несколько дней, не осушая глаз». С такой фотографической четкостью в сознании человека может навсегда запечатлеться лишь что-то глубоко сокровенное. Взаимный обет, данный ими при прощании «вспоминать вседневно друг друга в десять часов вечера», читается в контексте письма не иначе, как обет любви. Тут же приводится и подтверждение: «На моих часах будет всегда десять часов», — цитирует Анна Михайловна письмо Андрея Ивановича.

Известно, что между ними существовала переписка (упоминания о ней содержатся в письмах В. А. Жуковского), однако письма не сохранились, поэтому свидетельство Павловой имеет особую ценность.

Неотъемлемую часть ее воспоминаний об Андрее Ивановиче составляют принадлежащие ему «Стихи А. М. С<оковнин>ой на неверность друга». Рассказ об этом мадригале как бы обрамляет всю «мемуарную» часть письма: в начале речь идет об истории его поднесения, а в конце звучит очень важное признание: «...в стихах своих он предсказал мою будущую участь». Имеются в виду следующие строки:

Но ты, под счастливой рожденная звездою,
С любезной, пламенной, нежнейшею душою,
Ты друга вновь найдешь для сердца твоего,
Найдешь — и розами усыплешь путь его.[6]

---

[5] Здесь нет ни возможности, ни необходимости сколько-нибудь подробно ее излагать. И в фактическом плане, и в плане истории русской эмоциональной культуры взаимоотношения братьев Тургеневых и сестер Соковниных исследованы в работах А. Н. Веселовского, В. М. Истрина и, в особенности, А. Л. Зорина, едва ли не с исчерпывающей полнотой (*Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. С. 67–83; *Истрин В. М.* Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев // Архив братьев Тургеневых. СПб., 1911. Вып. 2. С. 104–113; *Зорин А.* Появление героя).

[6] *Тургенев Ан. И.* Стихи А. М. С<оковнин>ой на неверность друга // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 237 (Библиотека поэта. Большая сер.). Стихотворение имеет точную датировку (10 апреля 1801 года).

Упоминание об Александре Ивановиче, как уже отмечалось, очень лаконично: «...с покойным братом вашим Александром Ивановичем, хотя изредка, я до конца дней его имела сношения и виделась с ним в Москве, кажется, не более как за год до его кончины». Это свидетельство совершенно ново; до сих пор история их взаимоотношений прослеживалась только до начала 1830-х годов — последнее из известных писем датировано 1831 годом.[7]

Именно от Александра Ивановича Анна Михайловна узнала о продаже в 1836 году симбирских имений Тургеневых: «Покойный Александр Иванович писал ко мне, что все имение продал, чтобы все деньги вам отдать. Отчего же у вас осталась тульская деревня?» В этом простодушном, сбивающемся, как кажется, в фамильярный тон вопросе скрывалось не только любопытство.

Осведомленность Анны Михайловны об имущественном положении Тургеневых не простиралась далее кончины Александра Ивановича (1845); она не знала, что тульское имение Стародуб (Каширского уезда) Н. И. Тургенев унаследовал от своей двоюродной сестры А. И. Нефедьевой (1782–1857) и в начале 1860-х годов предпринимал попытки записать своих детей в тульское дворянство.[8]

«Тульская деревня» не могла не вызвать интерес Анны Михайловны, поскольку и Соковнины, и Павловы владели имениями в этой губернии. Известно, что имение Соковниных находилось недалеко от Белева,[9] а значит, и от Мишенского, где все было овеяно памятью о Жуковском. Там она навещала свою старинную приятельницу А. П. Зонтаг. Для Тургенева подтекст вопроса о тульской деревне был, конечно, неизвестен, но он обратил на него внимание, сделав отчеркивание на полях.

Рассуждая о том, «как бы хорошо было, кабы вы с своим семейством приехали хотя на короткое время пожить в Россию», Анна Михайловна переходит к главной для Тургенева теме — «эмансипации», посвящая ей значительную часть письма.

Наконец она позволяет себе сказать «несколько слов» о своем семействе. Именно этот заключительный абзац представляет, на наш взгляд, особую ценность. Чтобы вполне оценить его значение, нам потребуется небольшое отступление.

Павлова принадлежит к тем фигурам в истории русской культуры, имена которых известны не столько сами по себе, сколько «в связи» и «по поводу».[10]

А. Л. Зорин впервые представил не только краткий очерк ее фактической биографии, но и, следуя за А. Н. Веселовским, который назвал Андрея Тургенева «Ленским avant la lettre»,[11] расширил границы заданной им проекции на «мир пушкинского романа», утвердив за Павловой роль своего рода прообраза Ольги Лариной: «Дополнительный „онегинский колорит“, — по мнению А. Л. Зорина, — придают романтической коллизии Тургеневых и Соковниных характеры двух сестер: младшей — простодушной, кокетливой и ребячливой, и старшей — серьезной, страстной, склонной к глубоким чувствам и решительным поступкам. Как полагалось Ленскому, Андрей Иванович был „влюблен в меньшую“, но, подобно Онегину, сам стал предметом пламенного чувства старшей, писавшей ему письма в высшей степени рискованного содержания. Анна Соковнина в конце концов вышла замуж — если не за улана, то за орловского

---

[7] Письмо А. М. Павловой к А. И. Тургеневу от 21 января 1831 года опубликовано В. М. Истриным (*Истрин В. М.* Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев. С. 121–122).

[8] Об этом свидетельствуют документы архива бр. Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309. № 1795, 2712).

[9] Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста, вступ. статья О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999. С. 566.

[10] Так, для исследователей творчества Жуковского А. М. Павлова — это прежде всего сестра друга и однокашника Жуковского по Московскому университетскому благородному пансиону С. М. Соковнина. Обычно упоминается также о привязанности к ней Жуковского: «Анна Михайловна сделалась предметом увлечения обоих братьев Тургеневых, а до некоторой степени и Жуковского, который также стал бывать у Соковниных» (*Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2019. Т. 16. С. 373).

[11] *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. С. 82.

помещика. Ее сестра напророчила свое будущее, написав возлюбленному, что ей остается „ждать, стенать и умереть“».[12]

Уточним: речь отнюдь не идет о реальных прототипах пушкинских героинь, но о типических чертах, которые убедительно акцентуированы в приведенном сопоставлении. «Пушкин был осведомлен об истории Андрея Ивановича, но вряд ли особенно глубоко», — замечает А. Л. Зорин.[13]

Новая эмблематическая роль, отводимая Павловой, разумеется, возбуждает читательский и исследовательский интерес к ее реальной биографии, особенно зрелого и позднего периодов. В этом отношении публикуемые письма как своего рода итоговые документы чрезвычайно ценны ретроспективным взглядом на пройденный жизненный путь.

Документальных источников для реконструкции биографии Павловой крайне мало, причем таких непосредственных, как дневники и письма, практически нет. Отрывочные сведения о ней содержатся в мемуарах родственников. Наиболее значительным источником являются письма А. П. Зонтаг к Павловой 1848–1855 годов, хранящиеся в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки и опубликованные в извлечениях в 1896 году.[14] Ответные письма неизвестны.

В них образ Павловой предстает в отраженном виде, но достаточно ярко и рельефно. Переписка была продиктована глубокой личной привязанностью корреспонденток, основанной на общности духовных идеалов, сформировавшихся под влиянием круга Жуковского, на литературоцентричности сознания, на единстве нравственных принципов и житейских воззрений. Зонтаг известна как одна из основоположниц русской детской литературы. Имя Павловой также фигурирует в словарях, начиная с «Библиографического словаря русских писательниц» Н. Н. Голицына,[15] хотя ее творчество, очевидно, не превосходило рамки кружковой, «домашней» поэзии. Отдельные публикации ее стихотворений неизвестны, но в письмах Зонтаг, мемуарах Е. Ю. Хвощинской они присутствуют в виде поэтических иллюстраций.

Приведем несколько цитат из писем Зонтаг, которые дают представление о характере поэтического дарования Анны Михайловны: «И мне ли критиковать твои стихи? — Я благоговею пред твоим талантом и с позволения детей твоих очень люблю твои стихи» (19 января 1849 года); «Стихи твои к зятю прекрасны. Счастливица ты, что можешь так гармонически выражать свои чувства и что в добром зяте имеешь человека, который так прекрасно может *вдохновить* тебя!» (20 февраля 1849 года); «Какая у тебя еще свежесть воображения! Целый огород засеяла стихами! Они очень бы понравились Жуковскому, который сам любил писать такого рода стихотворения и потом так добродушно, бывало, валяется над ними со смеху» (7 мая 1850 года).[16]

Из литературного наследия Павловой наиболее известен ее поэтический диалог с Жуковским, который А. Н. Веселовский воспроизвел со следующим комментарием: «В 1802–3 годах <...> Жуковский бывает у Соковниных, играет у них в театре, играет в фанты и пишет экспромт к глазам Анны Михайловны:

Твои глаза хвалить мне должно.
Филлида, я готов хвалить,
Но как? Стихами невозможно,
А сердцем — сердце лишь молчит,
Его молчание яснее говорит.

---

[12] *Зорин А.* Появление героя. С. 507. Параллель между Е. М. Соковниной и Татьяной Лариной проводил также В. М. Истрин. Он писал: «Нравственный облик Екатерины Михайловны, как он выясняется из истории ее отношений к Андрею (Тургеневу. — *Н. Х.*), вводит нас в круг тех молодых девушек конца XVIII и начала XIX столетий из помещичьих семей, о которых мы знали, например, по Марье Андреевне Протасовой, с одной стороны, и по Татьяне Лариной — с другой» (*Истрин В. М.* Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев. С. 113).

[13] *Зорин А.* Появление героя. С. 508.

[14] РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. № 946. Опубл.: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. СПб., 1896. С. 124–140.

[15] *Голицын Н. Н.* Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 189.

[16] Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1893 год. С. 126, 130, 135.

Анна Михайловна отвечала:

Молчанье не бывает яснее языка,
Чем больше чувствуешь,
Тем больше говоришь,
И то, что нравится, о том не умолчишь.

Жуковский заключает:

Оставим разуму искусство говорить,
Пусть сердце чувствует, вздыхает и молчит».[17]

Несомненная литературная одаренность и даже, по-видимому, страсть к стихотворству не имели решающего влияния на судьбу Павловой. Главным смыслом ее жизни стала семья.

Она вышла замуж в 1808 году за Василия Никитича Павлова,[18] сведения о котором крайне скудны. Согласно архивным источникам, это был надворный советник, небогатый орловский помещик, владевший частью сельца Шишкино в Орловском уезде на берегу р. Оптухи и небольшим участком земли неподалеку в дер. Прилепы.[19] По-видимому, именно о нем сообщается в «Московском некрополе»: «Павлов Василий Никитич, надворный советник и кавалер, ум. 18 окт. 1836. Жил 66 лет (Данилов монастырь)».[20] Следовательно, он родился в 1770 году и был на 14 лет старше Анны Михайловны; она же пережила его на 37 лет.

Рассказывая Тургеневу о своих детях, Анна Михайловна отзывается и о муже: «Все по милости Божеской с душой и сердцем, да и покойный мой муж был человек необыкновенный». Эта чрезвычайно важная, но слишком общая характеристика наполняется живым содержанием благодаря воспоминанию С. М. Сухотина, которое относится к 1830-м годам: «Из родственников наших верстах в 40, близ Орла, жило семейство Павловых, веселые, умные и симпатичные люди. Они к нам часто езжали, и приезд их был для нас всегда праздником. Отец их, мой дядя, Василий Никитич, был тип русского доброго толковщика, умного балагура, которого все любили, от старого до малого, и который всем возрастам умел угождать своими разговорами. Он очень любил играть в шашки и когда живал в Москве, то ходил играть с купцами в их лавки. Жена его, моя тетка, Анна Михайловна Павлова (р. Соковнина), недавно умершая, была женщина особенно добрая, умная, литературно-образованная и писала премилые стихи. При этом оба эти симпатичные супруги были беззаботны насчет своих дел, всегда нуждались в деньгах, но не унывали».[21]

У четы Павловых было семеро детей: Михаил (28 марта 1811–1842?), Никита (род. 1816), Николай (род. 1821), Иван (6 апреля 1823 — 23 октября 1904), Анна (род. 7 апреля 1809), Мария, Варвара (17 июля 1812 — 23 октября 1896).[22]

---

[17] *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. С. 73; *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 442.

[18] Ее двоюродный брат, М. Ф. Сухотин, свидетельствовал: «Сестра Анна Михайловна Соковнина вышла замуж за брата Василья Никитича Павлова <...> июля 12 дня» (Дневник М. Ф. Сухотина // РГАДА. Ф. 1280. Оп. 1. № 133. Л. 53). Супруги находились в отдаленном родстве.

[19] *Левина Е. Н.* И. В. Павлов. Фрагменты биографии // Спасский вестник. 1999. № 5. С. 70–71. А. Л. Зорин ошибочно указывает его имя: Василий Михайлович (*Зорин А.* Появление героя. С. 500). Неверен также вариант Павел Николаевич, встретившийся в генеалогической литературе: *Руммель В. В., Голубцов В. В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 2. С. 408.

[20] Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2. С. 390.

[21] Цит. по: *Сухотин С. М.* Автобиографическая записка // Русский архив. 1894. Кн. 3. С. 70.

[22] *Левина Е. Н.* И. В. Павлов. Фрагменты биографии. С. 71, 80; Дневник М. Ф. Сухотина (РГАДА. Ф. 1280. Оп. 1. № 133. Л. 56, 64). Еще один сын, Дмитрий, умер во младенчестве (Там же.

В публикуемом письме Павлова сообщала о своем многочисленном семействе: «...у меня три сына и три дочери. Женат один сын, две дочери замужем, старшая уже вдова. Живу у моей меньшой дочери с дочерью девушкой...». Речь идет об Иване Васильевиче Павлове, женатом (с 1851 года) на Надежде Николаевне (урожд. Павловой). Из трех сестер Павловых в девицах осталась Мария, Анна была вдовой, а меньшая дочь — Варвара была замужем за Аркадием Александровичем Рахманиновым, в имении которого, селе Знаменском Козловского уезда Тамбовской губ., и проживала Анна Михайловна.

В воспоминаниях Е. Ю. Хвощинской, дочери известного музыкального деятеля Ю. Н. Голицына (1823–1872), есть небольшой фрагмент, посвященный обитателям Знаменского: «Аркадий Александрович Рахманинов был прекрасной души человек и великолепный пианист (ученик Фильда). Не мудрено, что с первого же визита отец мой сошелся с Рахманиновым, а музыка еще более скрепила их дружбу. Варвара Васильевна, жена его, моя крестная мать, умная, живая, веселая, восторженная, горячо принимающаяся за все доброе и хорошее, по душе пришлась моей матери. Сестра ее, Мария Васильевна Павлова, старая девица, не уступала ей в хороших качествах. Хозяйство, дети, их образование было на ее попечении; она была необходимый человек для семьи своей сестры. Мать их, Анна Михайловна Павлова, урожденная Соковнина, жившая также с ними, была очень умная, сердечная и такая богомольная, что почти все время свое посвящала молитве. Все ее звали „Бабушей“ и все любили „Бабушу“».[23] «Вот одно из ее стихотворений, — продолжает мемуаристка, — сказанное экспромтом, в котором она рисует так откровенно свой милый портрет:

Все тот же капор обветшалый,
Все тот же чепчик на боку!
Все то же платье — „цвет увялый!“
Но в том уверить вас могу:
Все то же сердце неизменно...».[24]

Роль Анны Михайловны в формировании культурной атмосферы семьи, несомненно, была очень велика. Ее дочери, как можно судить по воспоминаниям Хвощинской, унаследовали и ее душевные качества, и духовные идеалы. Культ «старины» она сумела перенести в потомство, обеспечив преемственность культурных традиций, — от эпохи Жуковского и кружка Андрея Тургенева до эпохи своих знаменитых правнуков.

В 1860-е годы, в описываемый нами период, у четы Рахманиновых уже были внуки. В 1863 году в Знаменском от брака их дочери Юлии Аркадьевны с Ильей Матвеевичем Зилоти родился Александр Ильич Зилоти, впоследствии — выдающийся пианист, дирижер и музыкально-общественный деятель. Рассказывая Тургеневу о своих «правнучатах», которых «уже с лишком 20-ть человек», Анна Михайловна, конечно, имела в виду и его. В тот год, когда она умерла, у нее родился еще один правнук — будущий великий композитор, пианист и дирижер Сергей Васильевич Рахманинов, и она, ушедшая из жизни 13 ноября 1873 года, еще успела приветствовать «ребенка милого рожденье» — С. В. Рахманинов родился 20 марта.[25]

Из сыновей Анны Михайловны невозможно обойти вниманием недюжинную личность Ивана Васильевича Павлова (1823–1904), врача, литератора, публициста славянофильской ориентации, редактора газеты «Московский вестник», знакомца М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена, И. С. Аксакова, И. С. Тургенева. Благодаря

Л. 59 об.). Выражаю глубокую благодарность М. М. Бочкареву, аспиранту исторического факультета МГУ, за архивную справку об этом документе.

[23] *Хвощинская Е. Ю.* Воспоминания // Русская старина. 1897. Т. 90. С. 160. Нет сомнения, что «стихи к зятю», которые так отмечала А. П. Зонтаг, адресованы А. А. Рахманинову.

[24] Там же. Т. 91. С. 604.

[25] С. В. Рахманинов был сыном Василия Аркадьевича Рахманинова и Любови Петровны Бутаковой и, следовательно, приходился двоюродным братом А. И. Зилоти. Оба музыканта были связаны не только родственно; их творческие биографии оказались довольно тесно сплетены.

усилиям тургеневедов биография И. В. Павлова, врача и корреспондента Тургенева, прототипа Базарова в романе «Отцы и дети», изучена довольно подробно.[26]

Сквозная тема анализируемого письма — подведение жизненных итогов. Если зрелые годы Павловой оказались, как заключает А. Л. Зорин, «исполнены тягот»,[27] то старость, несомненно, была счастливой. По этому поводу П. И. Бартенев писал в некрологической заметке: «Маститая, сознательно-умная старость была следствием и наградою ее прекрасной жизни».[28]

Переписка А. М. Павловой с Н. И. Тургеневым не состоялась. Эта небольшая эпистолярная история имеет свою интригу. Николай Иванович не откликнулся на второе письмо Анны Михайловны и тем самым вызвал ее недоумение и досаду, которыми и проникнуто последнее письмо. Оно чрезвычайно любопытно как материал для психологического портрета корреспондентки. Анна Михайловна не допускает мысли, что Николай Иванович мог ей просто не ответить, воздержаться от продолжения переписки. Она уверена, что ее письмо «пропало очень досадно». Между тем нет сомнений, что оно было получено и внимательно с карандашом в руках прочитано (на полях имеются отчеркивания, принадлежащие, судя по тематике отмеченных фрагментов, именно Тургеневу). Как и вся его корреспонденция, письма Павловой дошли до нас в составе архива бр. Тургеневых, а значит, были исправно получены и сохранены.

Почему Тургенев не ответил? Очевидно, он счел тему исчерпанной. Старинные знакомые обменялись письмами, сообщив о себе главное, но почвы для продолжения отношений, кроме воспоминаний, относящихся к слишком отдаленным временам, у них не было. Тургенев как деятель государственного масштаба и Павлова как человек сугубо частный являли собой совершенно разные типы.

Сошлемся на характеристику Н. И. Тургенева, которую И. С. Тургенев дал в его некрологе: «Беллетристика и художество его интересовали мало: он был человек по преимуществу политический, государственный, в высокой степени одаренный чувством равновесия и меры».[29]

Неверно было бы полагать, что он отказался от продолжения переписки из чувства высокомерия, ему вообще не свойственного; его решение было исключительно рациональным. Она же досадовала на себя за то, что «слишком распространилась» в своем письме «в восемь страниц», что утомила своего адресата повторами, обещала написать заново и вопрошала, будучи уверена, что ее письмо не дошло: «Неужели же вы могли подумать, не получивши ответ на ваше милое, доброе письмо, что я могла на него не отвечать?»

В 1802 году Андрей Тургенев писал Жуковскому об Анне Михайловне: «Я до глубины сердца ей трогаюсь. Милая, великодушная, нежная А<нна> М<ихайлов>на».[30] Такой она и осталась.

---

[26] *Мостовская Н. Н.* И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества: Сб. статей. Л., 1982. С. 143–157; *Левина Е. Н.* И. В. Павлов. Фрагменты биографии. С. 70–81.

[27] *Зорин А.* Появление героя. С. 502. Речь идет о финансовых проблемах семьи Павловых.

[28] После кончины А. М. Павловой «с дозволения сыновей» П. И. Бартенев опубликовал извлечения из ее записной книжки, содержащие «анекдоты» об А. П. Сумарокове, снабдив публикацию указанной некрологической заметкой (Анекдоты о Сумарокове: Из записной книжки А. М. Павловой // Русский архив. 1874. Кн. 2. Стб. 957). Спустя четыре года он поместил в своем журнале еще один материал: «Из письма Анны Петровны Зонтаг к приятельнице ее А. М. Павловой / Сообщ. Ник. Вас. Павловым» (Там же. 1878. Кн. 1. Стб. 207–208). Н. Н. Голицын включил Павлову в свой словарь как «писательницу» на основании публикации в «Русском архиве» в 1874 году (к тому времени образцы ее поэтических произведений еще не появились в печати). Впоследствии справка о Павловой из словаря Голицына была дословно воспроизведена в словаре С. А. Венгерова «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки» (СПб., 1918. Т. 2. С. 222).

[29] *Тургенев И.* Николай Иванович Тургенев. Некролог // Вестник Европы. 1871. Т. 6. № 12. С. 918.

[30] Письма Андрея Тургенева к Жуковскому / Публ. В. Э. Вацуро и М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура: Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 398.

Письма публикуются по автографу (ИРЛИ. Ф. 309. № 2598) в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации и сохранением некоторых индивидуальных особенностей написания.

А. М. Павлова делит текст не на предложения, а на большие фрагменты, абзацы, что затрудняет его восприятие. Ввиду этого принято более дробное деление на семантически законченные высказывания, предложения. Авторские подчеркивания в тексте передаются курсивом.

1

<Не позднее ноября 1868 года>

Милостивый государь, Николай Иванович!

Хотя мне уже минет скоро 84 года,[1] но по милости Божеской сохраняю вполне память и здравый рассудок и даже и зрение, читаю очень много, только уже все духовное и ничего мирского, но дочери мои,[2] которые также читают очень много и, слыхавши так много об моей старине, принесли мне разбор вашей изданной книги в Лейпциге и просили меня непременно прочесть некоторые <выписанные?> статьи;[3] конечно же <я> исполнила их волю и скажу вам искренно, что при чтении выписок из вашей книги в моем сердце, совсем уже иссохшем, что-то возбудилось, подобное чувств<у> юности, и многое прошедшее представилось моим глазам. Как мы с покойной сестрой любили вашего почтенного Отца и, несмотря на нашу молодость, очень любили с ним беседовать. Как кажется, и он находил утешение нас наставлять, любил очень толковать нам псалтырь на сию минуту.[4] Ето мое любимое чтение, я его вседневно прочитываю с начала до конца и в минуту смущенного духа житейскими попечениями часто очень нахожу какое-нибудь успокоительное для меня выраженье. Старость ведь очень многоречива, и боюсь очень увлечься моим желанием с вами беседовать и наскучить вам моим длинным посланием, потому, повинуясь здравому рассудку, кончаю мое письмо. Ежели же вы меня не забыли и утешите меня своим ответом, тогда гораздо смелее напомню вам много старины, ведь мы с вами не видались с лишком 60 лет. Как много было перемен в нашей жизни, как вы остались одни из всего вашего семейства, так и я тоже; последний мой брат Сергей Мих<айлович> скончался прошлого года в половине декабря,[5] но семейство мое, по милости Божеской, многочисленно, и я живу вместе с двумя дочерьми. Адрес мой: Тамбовской губернии Козловского уезда в селе Знаменском Аркадия Александровича Рахманинова.[6]

С искренним почтением, с неизменной преданностью и с искренной любовью ко всему вашему семейству пребуду навсегда покорная ко услугам

Анна Павлова,
урожденная Соковнина.

[1] Письмо датируется 1868 годом на основании этого сообщения, а также соотношения числа и дня недели, указанных в следующем письме (21 декабря по старому стилю приходилось на субботу в 1868 году), которое начинается с благодарности за скорый ответ. Это позволяет восстановить хронологию обмена письмами: комментируемое письмо было написано не позднее ноября, на него вскоре последовал ответ Н. И. Тургенева, полученный в декабре и побудивший Павлову написать второе письмо «на первой же почте». В обоих письмах она сообщает о своем возрасте: первое было написано накануне 84-летия («мне уже минет скоро 84 года»), второе — после этой даты («как утешительно думать в 84 года»), т. е. ее день рождения приходился на ноябрь — декабрь. Точная дата рождения Павловой остается неизвестной, но теперь она может быть уточнена: конец 1784 года.

[2] Варвара Васильевна Рахманинова и Мария Васильевна Павлова. См. о них вступ. статью, с. 116.

[3] Имеется в виду рецензия на книгу Н. И. Тургенева «Чего желать для России?» (Лейпциг, 1868). Подробно об этом см. вступ. статью, с. 111.

[4] Воспоминания относятся к 1803–1806 годам, последнему периоду жизни Ивана Петровича Тургенева (1752–1807), отца бр. Тургеневых. После смерти старшего сына Андрея (1803) сестры Соковнины — Екатерина Михайловна и Анна Михайловна — были приняты в его доме как названые дочери. Наряду с Жуковским и сыновьями И. П. Тургенева они разделили общее горе, заботились о нем после перенесенного им в 1804 году удара. Узнав о кончине Е. М. Соковниной (она умерла 24 марта 1809 года, пережив И. П. Тургенева всего на два года), Ал. И. Тургенев писал Жуковскому: «Помнишь ли ты, как она утешала его после смерти Андрея? Помнишь ли, как любил видеть ее, как он утешался небесною страстью ее к сыну его. Теперь они вместе, все в одном кругу, все достойные Ангельского счастья» (цит. по: *Истрин В. М.* Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев. С. 112).

[5] Соковнин Сергей Михайлович (1785 — дек. 1867) — друг и однокашник Жуковского по Благородному пансиону при Московском университете; плодовитый поэт и переводчик 1800-х годов, активный вкладчик пансионских изданий «Утренняя заря» и др.; член Московского общества любителей российской словесности. Служил в Московском главном архиве Коллегии иностранных дел переводчиком. На основании свидетельства Павловой устанавливается дата его смерти (середина декабря 1867 года); до сих пор она указывалась неверно (1868).

[6] Рахманинов Аркадий Александрович (1808–1881), зять Павловой, муж ее дочери Варвары Васильевны. Известный в середине XIX века пианист-любитель (учился у Дж. Филда). Выступал в любительских концертах; был автором салонных романсов. Дед композитора С. В. Рахманинова.

2

Декабря 21-го дня <1868 года>, суббота

Почтенный и добрейший Николай Иванович!

Право, и слов не нахожу благодарить вас за то утешение, которое вы мне доставили скорым ответом на письмо мое, что мне доказывает вполне, что вы все тот же Николай Иванович Тургенев, сохраняете то же сердце и живо помните прошедшее. Прошу Милосердного Господа, чтоб Он ниспослал вам во всем успех.

Как утешительно думать в 84 года, что еще существуют на сем свете те люди, с которыми жили так ладно, так любили друг друга и принимали друг в друге такое живое участие. Покойного Андрея Ивановича я любила душой и сердцем как самого доброго, милого брата, и он меня иначе не звал в своих письмах как *ma sœur chérie*. Помните ли вы те стихи, которые он написал мне в начале самого знакомства? Даже и сказать не решился, что ето их написал ко мне. Когда мы уже коротко познакомились, тогда только открыл мне, что ети стихи написаны ко мне.[1] Когда он ехал в Петербург на службу,[2] я плакала несколько дней, не осушая глаз, и когда покойная Матушка смотрела на мои глаза, запухшие <sic!> от слез (ведь в то время дети к родителям имели большой страх и не смели им открывать искренно своего сердца), тогда, ходя по гостиной, я мурчала тихим голосом:

Maman ne soit pas mèchante
La pitié n'est pas de l'amour[3]

И при прощанье мы дали друг другу честное слово вспоминать вседневно друг друга в десять часов вечера, и он писал ко мне: «на моих часах будет всегда десять часов», и мы уже более не видались. <нрзб.> вам еще вот какой случай.

Когда вам дали на акте книгу *в поощрение*, и вы ее изорвали на разные части, Антонский[4] говорил, что по наукам вы достойны награждения, но что вы не любите повиноваться старшим. Через несколько времени Александр Иванович уговорил вас ехать с ним к нам в воскресенье вечером; вы согласились, но, войдя в прихожую, вы спросили: «Антонский тут?» И узнавши, что он у нас, ту же минуту сели в сани и уехали.[5] Александр Иванович очень етим смущались, мы с сестрой его утешали, что ета буйность происходила от раздраженного самолюбия, что с летами все ето пройдет, а ум

и сердце остынут. Мы с сестрой не ошиблись в своем предположении; покойная сестра была очень умна и в своих суждениях необыкновенно имела много благоразумия;[6] с покойным братом вашим Александром Ивановичем, хотя изредка, но до конца дней его имела сношения и виделась с ним в Москве, кажется, не более как за год до его кончины,[7] а с Андреем Ивановичем более и не видалась, как он уехал в Петербург.

Мне было тогда 17-ть лет, в стихах своих он предсказал мою будущую участь,[8] а уж как мы плакали и грустили, узнавши об его кончине, и описать оное мудрено. Покойный Александр Иванович писал ко мне, что все имение продал, чтобы все деньги вам отдать. Отчего же у вас осталась тульская деревня? Как бы хорошо было, кабы вы с своим семейством приехали хотя на короткое время пожить в Россию[9] и поглядеть на мировых посредников и на эмансипацию.[10] Хотя мне 84 года и уже кончаю свое поприще, но поверьте искренности *слов моих, что я вседневно* благодарю Бога, что еще при жизни моей устроилась эмансипация. Никогда не любила властолюбия, но, стоявши уже во гробе обеими ногами, еще более, нежели когда-нибудь, радуюсь, что ни над кем власти не имею; к моему утешению все мое семейство со мною одного мнения. Но все-таки должна вам искренно сказать, что гляжу на волю народа с грустным сердцем, они еще покамест мало очень постигают свободу и думают, что она состоит в том, что могут делать все, что им пожелается, и потому вино и деньги впереди всего, пьянство непомерное.[11]

Так, как я вам и прежде писала, что ничего уже кроме моих молитв и псалтыри не читаю, но дочери мои, когда что прочтут <историческое?>, мне сообщают. Вы, верно, читаете много нынешних писателей, мне очень понравилось одно сравнение нынешнего положения, что теперь открылось: весной везде грязно, нечисто, и вся нечистота несется с водой, и наступит благотворная весна, и все так будет ясно, чисто, прелестно! И мои сыновья меня в том же уверяют, дай Боже! Боюсь уже вас утомить моим длинным посланием, никогда не обладала лаконизмом и в старости сделалась еще многоречивее. Пора бы кончить, но скажу вам еще несколько слов об моем семействе.[12]

По милости Божеской оно очень многочисленно — у меня три сына и три дочери. Женат один сын, две дочери замужем, старшая уже вдова. Живу я у моей меньшой дочери с дочерью девушкой, которой уже за 50 *лет*, даже ближе к 60-ти. Все по милости Божеской с душой и сердцем, да и покойный мой муж был человек необыкновенный; внучат у меня много, и уже с лишком 20-ть человек правнучат. Как же не благодарить Господа, что кончаю дни мои в мире, будучи всеми любима, но и сама уже до сих пор так всех люблю, что готова была бы принесть всякую жертву для их благосостояния. Богатого <никого?> нет, но все мои дети живут без недостатка. Не знаю уже, будете ли довольны моим длинным посланием, и прибавлю еще, что сохраню к вам до гроба искреннюю привязанность и желание всего хорошего всему вашему семейству. Очень желаю, чтобы вы поселились в России.

Душой вам преданная

Анна Павлова

Прошу покорнейше ее уже не забывать никогда.

[1] См. вступ. статью, с. 112.

[2] Как чиновник Министерства иностранных дел Ан. И. Тургенев был переведен на службу в Петербург в конце 1801 года (уехал из Москвы 12 ноября). 30 ноября он сделал первую по приезде запись в своем дневнике: «Я начал этот день очень счастливо. Проснулся, думаю, часу в пятом или начале шестого; думал об Анне Мих<айловне> и воображал, что и она целой день нынче будет обо мне думать. Встал и написал к ней письмо. Как я люблю ее! Мысль о ней делает меня счастливым и добрым. <...> Нынче незабвенное утро. Вспомнил о брате, о Жуковском, о их любви ко мне. А Анна Мих<айловна>! Счастливое утро, которым обязан я моей теперешней свободе и которого, может быть, не имел бы в другом месте» (цит. по: *Зорин А.* Появление героя. С. 356).

[3] Матушка, не сердись / Жалость — пока еще не любовь (*фр.*). Источник текста установить не удалось. Второй стих приведен в качестве одного из эпиграфов в романе в стихах Е. П. Ростопчиной «Дневник девушки» (СПб., 1866. С. 80) со следующим пояснением: «Vieille romance du siècle passé» («Старинный романс прошлого столетия»).

[4] Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762–1848), журналист, литератор, педагог, цензор. Знаменитый инспектор Благородного пансиона при Московском университете (1791–1826). Профессор, а впоследствии ректор университета.

[5] Возможно, речь идет об университетском акте, проводившемся 25 января в день св. Татианы, покровительницы Московского университета. Можно предположить, что инцидент с книгой произошел в январе 1802 года. После отъезда Андрея Тургенева в Петербург А. И. Тургенев и Жуковский в конце 1801-го — начале 1802 года много времени проводили в обществе сестер Соковниных. Постоянным гостем дома тогда же был и А. А. Прокопович-Антонский. Его влекли сюда матримониальные планы — по слухам, он хотел жениться на Анне Федоровне Соковниной, хозяйке дома, к тому времени вдове. Эти планы не были тайной для молодого поколения — для С. М. Соковнина, В. А. Жуковского, А. С. Кайсарова, Ал. И. Тургенева — питомцев Благородного пансиона. Наиболее резко неприятие к Прокоповичу-Антонскому выразил А. С. Кайсаров, назвав его в письме к Ан. И. Тургеневу «благообразным фарисеем» (подробнее см.: *Зорин А.* Появление героя. С. 350, 389).

[6] Соковнина Екатерина Михайловна (? — 24 марта 1809 года). О привязанности Павловой к сестре можно, например, судить по письму А. И. Тургенева к Жуковскому, написанному в связи с кончиной Е. М. Соковниной: «Состояние Анны М<ихайловны>, должно быть, ужасно. Она в ней всего лишилась. Ни муж, ни брат, никто из родственников не заменят ей Катерины Михайловны» (цит. по: *Истрин В. М.* Младший тургеневский кружок и Александр Иванович Тургенев. С. 112).

[7] По предположению А. Л. Зорина, Ал. И. Тургенев и А. М. Соковнина были тайно помолвлены (*Зорин А.* Появление героя. С. 321). Их последняя встреча могла состояться не за год, а за два года до кончины Тургенева, в 1843 году, в его предпоследний приезд в Россию.

[8] См. вступ. статью, с. 112.

[9] Фрагмент текста от слов «Отчего же у вас осталось...» до слов «пожить в Россию» отчеркнут карандашом на полях Н. И. Тургеневым.

[10] О «тульской деревне» Н. И. Тургенева — имении Стародуб Тульской губ. Каширского уезда см. вступ. статью, с. 113.

[11] Фрагмент текста от слов «все мое семейство» до слов «пьянство непомерное» отчеркнут карандашом на полях Н. И. Тургеневым.

[12] Подробно о детях, внуках и правнуках Павловой, составлявших ее «многочисленное семейство», см. вступ. статью, с. 115–117.

3

Почтенный и добрейший Николай Иванович! Вы своим ответом на мое первое письмо совершенно оживили мое сердце, иссохшее от старости, и все прошедшее так живо возобновилось в моей памяти. Я на первой же почте отвечала на ваше милое и доброе письмо, боюсь, не слишком ли я распространилась, и не скучно ли вам было прочесть мое длинное послание, письмо мое было в восемь страниц, как мне помнится, и не убоялись ли вы повторений? Но, кажется, ето быть не может. Долго, долго я ждала вашего ответа, думала, не больны ли вы, но имела известие из Москвы от тех, с кем вы имеете сношение по ученой части, что вы, слава Богу, здоровы, и все надеялась, что вы чем-нибудь заняты и медлите мне отвечать. Но, наконец, потеряла уже совершенно надежду получить ответ на мое длинное послание и давно уже собираюсь к вам писать, но недуги старости всегда во всем помеха, кажется, уже недолго остается пожить в сем мире. Отвечайте поскорее, получивши ваше письмо, может быть, найду еще в себе столько сил, чтобы повторить то, которое пропало очень досадно. Неужели же вы могли подумать, не получивши ответ на ваше милое, доброе письмо, что я могла на него не отвечать?

Так меня ето удивляет.

Верьте, что преданная вам душою навсегда сохранит к вам искреннюю дружбу, уважение, чистую любовь и неизменную

Анна Павлова

8-го июля <1869 года,> село Знаменское

На конверте рукой А. М. Павловой: France, Paris, Rue de Lille № 97
Monsieur Tourgueneff.

Список литературы

1. *Гармашева Т. В., Капелюш В. Н.* Рукописи и переписка Ф. М. Достоевского // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1957. [Вып.] VII.
2. *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1987.
3. *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / Изд. подг. Л. Д. Опульская и Г. Ф. Коган. М., 1970 (сер. «Литературные памятники»).
4. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 35 т. СПб., 2019–2020. Т. 7, 9.
5. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973–1985. Т. 7; 9; 28. Кн. 2.
6. Лит. наследство. 1971. Т. 83. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг.
7. *Нечаева В. С.* Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864–1865. М., 1975.
8. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957.
9. *Орнатская Т. И.* Рукою Достоевского. 3. Записи адресов (из записных книжек и тетрадей) // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1985. Т. 6.
10. *Панюкова Т. В.* Уточнения к родословию Достоевских: семейство Михаила Михайловича (по материалам петербургского архива) // Неизвестный Достоевский. 2018. № 3.

References

1. *Dostoevskaia A. G.* Vospominaniia. M., 1987.
2. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 35 t. SPb., 2019–2020. T. 7, 9.
3. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1973–1985. T. 7; 9; 28. Kn. 2.
4. *Dostoevskii F. M.* Prestuplenie i nakazanie / Izd. podg. L. D. Opul'skaia i G. F. Kogan. M., 1970 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
5. *Garmasheva T. V., Kapeliush V. N.* Rukopisi i perepiska F. M. Dostoevskogo // Biulleteni Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. M.; L., 1957. [Vyp.] VII.
6. Lit. nasledstvo. 1971. T. 83. Neizdannyi Dostoevskii. Zapisnye knizhki i tetradi 1860–1881 gg.
7. *Nechaeva V. S.* Zhurnal M. M. i F. M. Dostoevskikh «Epokha». 1864–1865. M., 1975.
8. Opisanie rukopisei F. M. Dostoevskogo / Pod red. V. S. Nechaevoi. M., 1957.
9. *Ornatskaia T. I.* Rukoiu Dostoevskogo. 3. Zapisi adresov (iz zapisnykh knizhek i tetradei) // Dostoevskii. Materialy i issledovaniia. L., 1985. T. 6.
10. *Paniukova T. V.* Utochneniia k rodosloviiu Dostoevskikh: semeistvo Mikhaila Mikhailovicha (po materialam peterburgskogo arkhiva) // Neizvestnyi Dostoevskii. 2018. № 3.

Наталья Александровна Хохлова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Aleksandrovna Khokhlova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3021-5275

irliran@mail.ru

БРАТЬЯ ТУРГЕНЕВЫ И СЕСТРЫ СОКОВНИНЫ. ЭПИЛОГ ОТНОШЕНИЙ: ПИСЬМА А. М. ПАВЛОВОЙ (СОКОВНИНОЙ) Н. И. ТУРГЕНЕВУ 1868–1869 ГОДОВ

THE TURGENEV BROTHERS AND THE SOKOVNIN SISTERS. THE EPILOGUE OF A RELATIONSHIP: A. M. PAVLOVA (SOKOVNINA)'S LETTERS TO N. I. TURGENEV, 1868–1869

Публикуемые письма представляют значительный интерес и как мемуарный, и как автобиографический источник. А. М. Павлова (урожд. Соковнина), предмет увлечения А. И. Тургенева, свидетельница любовной драмы своей сестры Е. М. Соковниной и Ан. И. Тургенева, участница сформировавшегося вокруг него дружеского кружка, приятельница Жуковского, делится с Н. И. Тургеневым воспоминаниями об этом далеком времени. В автобиографическом плане письма чрезвычайно ценны ретроспективным взглядом на пройденный жизненный путь; они содержат сведения о практически неизвестном до сих пор позднем периоде ее биографии, ознаменованном рождением правнуков — А. И. Зилоти и С. В. Рахманинова. Новые данные позволили впервые представить целостный очерк биографии А. М. Павловой; он содержится во вступительной статье к публикации.

Ключевые слова: архив братьев Тургеневых, братья Тургеневы и сестры Соковнины, Андрей Тургенев и его окружение, русские писательницы, С. В. Рахманинов.

The letters in question are of particular interest both as a memoir and as an autobiographic source. A. M. Pavlova (nee Sokovnina), a love interest of A. I. Turgenev, a witness to the amorous drama between her sister E. M. Sokovnina and An. I. Turgenev, a member of his circle of friends, an acquaintance of Zhukovsky, shares her reminiscences of these long-gone days with N. I. Turgenev. Autobiographically, the letters are particularly valuable as a retrospective of a lifetime; they offer insights into the largely obscure late period of her life when her great-grandchildren, A. I. Ziloti and S. V. Rakhmaninov, were born. The new data are instrumental for providing a concise life story of A. M. Pavlova; it is included into the introduction to the publication.

Key words: Turgenev brothers archive, Turgenev brothers and Sokovnin sisters, Andrey Turgenev and his circle; Russian female writers, S. V. Rakhmaninov.

Список литературы

1. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста, вступ. статья О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999.

2. *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999–2019. Т. 1, 16.

3. *Зорин А.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII — начала XIX века. М., 2016.

4. *Левина Е. Н.* И. В. Павлов. Фрагменты биографии // Спасский вестник. 1999. № 5.

5. *Мостовская Н. Н.* И. В. Павлов — корреспондент Тургенева // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества: Сб. статей. Л., 1982.

6. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому / Публ. В. Э. Вацуро и М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура: Сб. науч. трудов. Л., 1987.

7. *Тургенев Ан. И.* Стихи А. М. С<оковнин>ой на неверность друга // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Библиотека поэта. Большая сер.).

References

1. *Levina E. N.* I. V. Pavlov. Fragmenty biografii // Spasskii vestnik. 1999. № 5.

2. *Mostovskaia N. N.* I. V. Pavlov — korrespondent Turgeneva // I. S. Turgenev. Voprosy biografii i tvorchestva: Sb. statei. L., 1982.

3. Pis'ma Andreia Turgeneva k Zhukovskomu / Publ. V. E. Vatsuro i M. N. Virolainen // Zhukovskii i russkaia kul'tura: Sb. nauch. trudov. L., 1987.

4. *Turgenev An. I.* Stikhi A. M. S<okovnin>oi na nevernost' druga // Poety 1790–1810-kh godov / Vstup. stat'ia i sost. Iu. M. Lotmana; podg. teksta M. G. Al'tshullera; vstup. zametki, biogr. spravki i prim. M. G. Al'tshullera i Iu. M. Lotmana. L., 1971 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).

5. Zhukovskii v vospominaniiakh sovremennikov / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia O. B. Lebedevoi, A. S. Ianushkevicha. M., 1999.

6. *Zhukovskii V. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1999–2019. T. 1, 16.

7. *Zorin A.* Poiavlenie geroia: Iz istorii russkoi emotsional'noi kul'tury kontsa XVIII — nachala XIX veka. M., 2016.